

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Отечественная история

Васькин А.А.,¹ член Союза писателей
Москвы, член Союза журналистов Мо-
сквы

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. «22 ДЕКАБРЯ 1826 ГОДУ. МОСКВА. У ЗУБКОВА» (М. НИКИТСКАЯ УЛ., 12)

«Что ты на меня не глядишь? Жить без тебя не могу», – воскликнул Пушкин и, бросившись к одному из проходящих по Тверскому бульвару людей, расцеловался с ним. Происходило это в один из мартовских дней 1927 г. Человек, удостоившийся столь откровенного проявления внимания поэта, также не скрывал своих чувств. Это был Василий Зубков, недавний московский знакомец Пушкина. Направлялся Зубков, по видимости, к себе домой, потому как жил недалеко – на Малой Никитской улице. Пушкин не раз и не два бывал там после возвращения в Москву в 1826 г. Приводила его на Малую Никитскую весьма «уважительная» причина, а точнее сказать, сердечная. Но обо всем по порядку.

Василий Петрович Зубков (1799–1862) – одноклассник Пушкина, карьеры на военной службе не сделал: воспитанник Муравьевского училища для колонновожатых, прапорщик Квартирмейстерской части, с декабря 1819 г. вышел в отставку подпоручиком.

На гражданской службе добился он куда больших успехов: из тех сведений, что удалось о нем узнать, известно, что в 1824–1826 гг. служил он советником московской палаты гражданского суда, в 1828–1838 гг. советником и товарищем председателя (т.е. заместителем) московской палаты уголовного суда, а впоследствии дотянулся и до сенатора (что соответствовало чину генерал-лейтенанта). В перерыве, правда, он успел попасть в число декабристов, поучаствовав в тайном «Обществе Семисторонней, или Семиугольной, звезды» (вместе с бывшими лицеистами А.П. Бакуниным, Б.К. Данзасом, И.И. Пущиным и другими). Зубков был привлечен к следствию по делу декабристов, арестован и заключен в Петропавловскую крепость, но через 12 дней освобожден.

В то время, когда ему довелось принимать Пушкина у себя, он нанимал квартиру в доме Соковнина на Малой Никитской улице, во «флигеле, выходя на двор с правой стороны» – как уверяют архивные бумаги. Сегодня это часть хорошо сохранившейся большой усадьбы Бобринских, относящейся к концу XVIII в.

Усадьба пострадала после пожара 1812 г., тем не менее, фасад главного дома сохранил не только общую схему композиции, но и характерную для XVIII в. утонченную детализировку. Интерьеры были заново отделаны в стиле ампира начала XIX в. Анфилада парадных залов второго этажа украшена разнообразными плафонами с богатой росписью и лепными карнизами. Привлекают внимание посетителей усадьбы две мраморные скульптуры XVIII в., установленные перед входом в главный дом, – «Парис» и «Елена». Они не всегда стояли здесь. Их перенесли из старого сада, находившегося на месте нынешнего зоопарка.

¹ Васькин Александр Анатольевич – историк Москвы, писатель, журналист, лауреат Горьковской литературной премии 2008 г. в номинации «По Руси» (краеведение). Автор книг «Спасти Пушкинскую площадь», «Я не люблю московской жизни», или Что осталось от пушкинской Москвы», «От Волхонки до Знаменки», «От снесенного Военторга до сгоревшего Манежа», «Монастыри Москвы», «Московский университет на Моховой» и других, а также более ста публикаций, исследований, очерков на тему исторического прошлого российской столицы.

В правом флигеле усадьбы, соединенном закругленной на плане характерной галереей с главным домом, и квартировал Зубков вместе с женой Анной Федоровной, урожденной Пушкиной, дальней родственницей поэта. По словам Бартенева, Пушкин «проводил беспрестанно время» в гостях у Зубкова. Альбом Зубкова – свидетель визитов Пушкина, сохранил на своих страницах автографы вернувшегося из ссылки поэта – «Ответ Ф. Т.***» («Нет, не черкешенка она») и «Зачем безвременную скуку» с проставленной авторской датой «1□ ноября 1826. Москва». А на автографе стихотворения «В□ надежде славы и добра» рукою Пушкина помечено: «22 декабря 1826 году. Москва. У Зубкова». Сохранился лист с портретами декабристов, нарисованными Пушкиным у Зубкова.

Но притягивал Пушкина не сам Зубков (принять Пушкина у себя желали многие), а его свояченица (сестра жены) Софья Федоровна Пушкина (1806–1862). Недолго размышляя, Пушкин пылко изложил ей свои чувства, надумав жениться: «Я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь!» – писал он Зубкову 1 декабря 1926 г. Софья Пушкина была обескуражена и даже испугана такой прыткостью поэта. Александр Сергеевич, изголодавшийся в ссылке по общению с московскими дамами, и в самом деле действовал по цезаревскому принципу «Пришел, увидел, победил». Ведь, как поучал он молодого князя Павла Петровича Вяземского, вся задача жизни, все на земле творится, чтобы обратить на себя внимание женщин: «В этом деле не следует останавливаться на первом шагу, а идти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщину уважать вас».

Да и сами женщины Пушкина привечали. Как доносил в те дни своему непосредственному шефу графу Бенкендорфу жандармский полковник И.П. Бибиков: «Я слежу за сочинителем Пушкиным, насколько это возможно... Дамы кадят ему и балуют молодого человека; напр., по поводу выраженного им в одном обществе желания вступить в службу несколько дам вскричали сразу: «Зачем служить! Обогащайте нашу литературу вашими высокими произведениями, и разве, к тому же, вы уже не служите девяти сестрам? Существовала ли когда-нибудь более прекрасная служба?».

Софья Федоровна Пушкина была стройна и высока ростом, с прекрасным греческим профилем и черными, как смоль, глазами и «была очень умная и милая девушка», – утверждала современница Пушкина Е.П. Янькова (1768–1861), ее мемуары под названием «Рассказы бабушки» вышли в 1885 г.

Некоторые пушкинисты до сих пор спорят, не перепутала ли бабушка-долгожительница двух сестер. Есть мнение, что составленный ею словесный образ относится к Анне Федоровне Пушкиной, а к Софье Федоровне относится следующее: «Меньшая, маленькая и сублильная блондинка, точно саксонская куколка, была прехорошенькая, преживая и превеселая, и хотя не имела ни той поступи, ни осанки, как ее сестра, но личиком была, кажется, еще милее». Такого мнения придерживался Б.Л. Модзалевский. Вересаев ему возражал, ссылаясь на мнения Нащокина и Соболевского, утверждавших, что, судя по внешности, в стихотворении «Ответ Ф. Т.***» поэт говорит о Софье Федоровне, а не о ее сестре. Сохранившиеся изображения Софьи Федоровны подтверждают правильность версии Вересаева:

*Нет, не черкешенка она;
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней.
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.*

Несмотря на напор, бурю и натиск, проявленные Пушкиным, сватовство оказалось неудачным. Об этом предупреждал его и Зубков, которого поэт в осенние дни 1826 г. вовлек в борьбу за свою душевную (и далеко не последнюю) привязанность. Несмотря на отговоры, Пушкин умолял Василия Петровича (на правах родственника) помочь в сердечном деле: «Ангел мой, уговори ее, упроси ее... и жени меня».

Но у Софи, как называл ее Пушкин, уже был жених – Валериан Александрович Панин (1803–1880, впоследствии смотритель Московского вдовьего дома), которого поэт чуть ли не проклинал: «Мерзкий этот Панин, два года влюблен, а свататься собирается на Фоминой неделе..., настращай ее Паниным скверным».

В письме, написанном Зубкову перед отъездом из Москвы, 1 ноября 1826 г., Пушкин словно расписывается в собственной неудаче: «Я надеялся увидеть тебя и еще поговорить с тобой до моего отъезда; но злой рок мой преследует меня во всем том, чего мне хочется. Прощай же, дорогой друг, – еду похоронить себя в деревне до первого января, – уезжаю со смертью в сердце».

Однако не прошло и месяца, как Пушкин вновь засобирался в Москву: «Дорогой Зубков, ты не получил письма от меня, – и вот этому объяснение: я хотел сам явиться к вам, как бомба, 1 декабря, то есть сегодня, и потому выехал 5–6 дней тому назад из моей проклятой деревушки на перекладной из-за отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня; у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать; от бешенства я играю и проигрываю. Довольно об этом; жду, чтобы мне стало хоть немного лучше, дабы пуститься дальше на почтовых».

Оба твои письма прелестны: мой приезд был бы лучшим ответом на размышления, возражения и т. д. Но раз уж я застрял в псковском трактире вместо того, чтобы быть у ног Софи, – поболтаем, то есть поразмыслим.

Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, то есть познать счастье. Ты говоришь мне, что оно не может быть вечным: хороша новость! Не личное мое счастье заботит меня, могу ли яazole нее не быть счастливейшим из людей, – но я содрогаюсь при мысли о судьбе, которая, быть может, ее ожидает – содрогаюсь при мысли, что не смогу сделать ее столь счастливой, как мне хотелось бы. Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой – неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно – вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья. – Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером – судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?..

Бог мой, как она хороша! и как смешно было мое поведение с ней! Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести... скажи ей, что я благоразумнее, чем выгляжу.

Если она находит, что Панин прав, она должна считать, что я сумасшедший, не правда ли? – объясни же ей, что прав я, что, увидав ее хоть раз, уже нельзя колебаться, что у меня не может быть притязаний увлечь ее, что я, следовательно, прекрасно сделал, пойдя прямо к развязке, что, раз полюбив ее, невозможно любить ее еще больше, как невозможно с течением времени найти ее еще более прекрасной, потому что прекраснее быть невозможно. ...В Москве я расскажу тебе кое-что».

Приехав в Москву в декабре 1826 г., Пушкин уже передумал сваливаться к Зубковым как снег на голову. Он поселился у Соболевского, на Собачьей площадке. Пушкина ждало новое любовное увлечение...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб., 1999.
2. *Переписка А.С. Пушкина*: В 2 т. М., 1982.
3. *Пушкин А.С.* Письма к жене. Л., 1986.
4. *Пушкин*: Письма последних лет, 1834. Л., 1969.